

Неловкость была невыносимой.

Если бы он не был так сильно ранен, то, по крайней мере, смог бы отвернуть голову или изменить позу. Но сейчас для Юджина движение ниже шеи было непосильной задачей. Поэтому юноша мог лишь сохранять неловкое выражение лица, глядя на макушку головы Дойнса, когда тот склонился перед ним в глубоком поклоне с глубочайшим уважением.

— ...Это... в твоём плохом состоянии здоровья... почему бы тебе не прекратить это и не присесть? — посоветовал Юджин.

— Я в порядке, — отверг предложение Дойнс.

— Нет, что ты имеешь в виду под "я в порядке"? Разве тебе не проткнули грудную клетку? Позволь мне сказать, что как человек, у которого тоже была дыра, пробитая в груди, я очень хорошо знаю, каково это. — Юноша неловко забормотал, вспоминая о своей прошлой жизни. — Это очень дерьмовое и пустое чувство, не так ли? Хммм... ммм... ну... дыра, которая была у меня, могла быть больше, но все же.... я не мог ходить, как ты, и мне оставалось только лежать и ждать смерти, понимаешь?

— Как удивительно, — ответил Дойнс.

Смутившись от вышедших у него слов, Юджин неловко кашлянул.

— ...Эм... Я не пытался похвастаться, что дырка у меня в груди была больше..., — жестко извинился юноша, отчаянно пытаясь избавиться от заикливости на дырах в груди, которая крутилась у него в голове, но все шло не так, как он хотел.

Если действительно задуматься, то дыра в груди была для Юджина травмой со многими последствиями. Его смерть в предыдущей жизни также была вызвана дырой в груди, а у Сиенны, все еще запечатанной в Мировом Древе, также была дыра в груди.....

— ...Разве я не говорил тебе перестать стоять и присесть? Мое тело тоже не в лучшей форме, так что смотреть на тебя, стоящего там, немного тяжело, — пожаловался юноша.

— Конечно, — согласился Дойнс и, не делая дальнейших попыток отказаться, сел на стул рядом с кроватью.

По мере того, как расстояние между ними сокращалось, Юджин все лучше ощущал ауру смерти, витающую вокруг Старейшины.

— Сколько у тебя осталось времени? — спросил юноша.

— Я не переживу эту ночь, — спокойным голосом ответил Дойнс.

— Если ты вызовешь первосвященника из Священной Империи, то еще есть вероятность, что ты сможешь спастись, или, возможно, мы сможем призвать Святую, — предложил Юджин.

— Я лучше всех знаю свое собственное тело, — опроверг Дойнс. — Даже благословение Святой не сможет оживить это тело.

Выражение лица Старейшины не изменилось, пока он продолжал говорить: ...Нынешняя ситуация... она свидетельствует о том, насколько некомпетентным стал клан Лайонхарт — нет, Черные Львы. Мы были настолько высокомерны и опьянены честью быть потомками великого героя, что не смогли должным образом соответствовать требованиям нашего положения.

— Вы поняли это слишком поздно, — укорил Юджин.

— Это потому, что мир стал слишком спокойным, — с сожалением сказал Дойнс.

— Что смешно, так это то, что потомки Вермута так опьянели от мира. Если бы мое тело было здоровым и у меня еще была сила, которой я обладал в былые времена, я бы заставил всех вас, высокомерных Черных Львов, встать на колени, а затем избил бы вас веслом, — пригрозил юноша.

— Мои извинения, — сказал Дойнс, еще раз склонив голову. — ...Позвольте мне взять вину за этот грех с собой, когда я уйду. Любые дальнейшие насмешки только подогреют недовольство молодого поколения. Поэтому, пожалуйста, я надеюсь, что вы будете помнить об этом факте и позаботитесь о нас.

— Ты же не просишь меня присоединиться к Черным Львам? — скептически спросил юноша.

Дойнс покачал головой: Я прекрасно понимаю, что Черные Львы слишком малы, чтобы удержать вас, сэр Хамел. Однако, поскольку сэр Хамел связан с Черными Львами, я надеюсь, что вы сможете наблюдать за изменениями в Рыцарях Черного Льва, пусть и на расстоянии.

— Изменения, говоришь? — Юджин чмокнул губами и с любопытством наклонил голову. — Перестань быть таким неопределенным и скажи мне, что именно ты собираешься изменить?

— Замок Черного Льва откроет свои двери.

— Двери?

— Как вы, наверное, знаете, сэр Хамел, Черные Львы — это не то место, куда можно вступить просто потому, что хочется. Для любого члена основной семьи, желающего вступить,

ограничения относительно мягкие, но чтобы побочный потомок мог стать Черным Львом, он должен обладать навыками, которые мы не можем не признать.

— Верно.

— ...Отныне, если среди сопутствующих потомков, присутствующих на Церемонии Продолжения Родословной, есть ребенок, желающий стать Черным Львом, его можно привести прямо в замок для дальнейшего обучения...

— Проблема заключается в самой Церемонии Продолжения Родословной, — прервал Юджин, его лицо исказилось в гримасе. — Изменения, о которых ты говоришь, в конечном итоге только увеличат число Черных Львов в следующем поколении. Что ж, это действительно может быть хорошо с точки зрения усиления мощи клана. Даже если качество немного снизится, увеличение количества с лихвой компенсирует это, и даже если придется учить тупиц с юных лет, они все равно будут полезны.

Однако, пока традиция Церемонии Продолжения Родословной сохранялась, любые другие изменения были бы недостаточными.

— После этого инцидента, разве ты не говорил, что несколько побочных ветвей подозрительно пропали одновременно? Этот факт показывает нам, что это предательское дело возникло из-за недовольства, которое побочные потомки испытывают по отношению к основной семье. А откуда берется это недовольство? Все из-за этой идиотской Церемонии Продолжения Родословной, — критиковал Юджин.

Дойнс колебался: ...Однако... Церемония Продолжения Родословной принадлежит нашему великому предку...

— Этот ублюдок Вермут, должно быть, был в старческом маразме, — буркнул юноша. Не в силах сдержать свой гнев, он бессознательно попытался вскочить на ноги.

Конечно, как только он попытался приложить хоть какую-то силу, ему пришлось сдерживаться, чтобы не закричать от ужасной боли, пронизывающей все его тело.

...Честно говоря, традиция не была совсем уж непонятной. Вермут взял более десяти жен и имел десятки детей. Среди его многочисленных детей самый выдающийся ребенок стал следующим патриархом семьи.

Но как быть после этого? После этого осталось множество братьев и сестер, которые не смогли стать Патриархом. Ситуацию можно было бы уладить, если бы следующий глава семьи просто провел чистку, но было бы смешно, если бы дети героя сражались между собой, убивая своих родных братьев и сестер. В конце концов, все представители первого поколения скончались, а многочисленные братья и сестры еще раз родили по несколько детей.

Проблемы начались с этого момента. Вермут умер, оставив после себя наследие — клан Великого Героя Лаойнхарт. И побочные семьи, не ставшие главной, пытались унаследовать великое наследие и обрести славу.

— Церемония Продолжения Родословной была необходима, — настаивал Дойнс, испустив долгий вздох. — Церемония обеспечила сохранение уникального статуса главной семьи и не позволила побочным семьям одержать над ней верх. Если бы не Церемония Продолжения Родословной, клан в целом мог бы давно исчезнуть из-за междоусобиц.

— Я знаю, — признал Юджин, расслабив выражение лица. — ...Вермут, этот ублюдок. Должно быть, он создал Церемонию Продолжения Родословной, потому что у него были на то свои причины.

Что касается причины, то мысли, о которых юноша не хотел думать, продолжали возникать в его голове.

Наряду с Формулой Белого Пламени главной семьи, принудительная традиция Церемонии Продолжения Родословной обеспечивала превосходство главной семьи. За последние триста лет это позволило главной семье накопить силу, которую невозможно было превзойти, даже когда побочные ветви постепенно увеличивались в численности. Если бы не было Церемонии Продолжения Родословной, и Формула Белого Пламени была бы передана всем потомкам Лайонхарт, то...

Действительно ли клан Лайонхарт выглядел бы так, как сейчас? Все бы получали одинаковое обращение, но только один из них стал бы называться "главной семьей". Действительно ли другие ветви, кроме прямой линии, признают их главной семьей? Возможно, как и говорил Дойнс, клан Лайонхарт мог сразу же распасться из-за междоусобиц.

А что сейчас? Множество факторов гарантировали, что побочные ветви не смогут преодолеть превосходство прямой линии: уникальный статус главной семьи, хранение всех реликвий Вермута, кроме Лунного Клинка, в хранилище сокровищ главной семьи, наследование Формулы Белого Пламени в ее совершенной форме, а также использование жилы маны.

Все это гарантировало дальнейшее существование основной семьи в течение последних трехсот лет, а также ее способность контролировать растущее число побочных ветвей.

Но все это по какой причине?

«...Неужели все это было ради чести клана?» — неуверенно спросил себя Юджин.

Вермут участвовал в реинкарнации Хамела.

Юноша смог подтвердить это во время встречи с Сиенной. Душа Хамела была запечатана в

ожерелье, которое волшебница хранила при себе с момента его смерти как память о Хамеле. Вермут украл это ожерелье у Сиенны.

«...Вермут... если ты хотел, чтобы я реинкарнировался в Лайонхарта...»

Юджин не знал, как именно произошла его реинкарнация.

Однако несколько вещей бросались в глаза, когда он думал об этом в простых терминах. Тело, в которое он реинкарнировался, превосходило тело из его предыдущей жизни. Нет, оно настолько сильно, что даже выделялось среди Лайонхартов. Чтобы гарантировать, что он родится в таком же превосходном теле, как это, самым удобным методом было бы сначала увеличить общее число потомков.

«...Это всего лишь предположение, но... что если это правда?»

Неужели Вермут специально увеличил число своих потомков, чтобы дать Хамелу самое лучшее тело?

Чтобы сохранить основу силы клана Лайонхарт, Вермут позаботился о том, чтобы главная семья была особенной.

А что, если бы Хамел реинкарнировался в побочного потомка? Это все равно не было бы проблемой. До тех пор, пока основа его тела была превосходной, а воспоминания о предыдущей жизни позволяли ему черпать силы, Хамел, безусловно, вырастет достаточно сильным, чтобы в конечном итоге он смог подавить главную семью.

Все как-то так сложилось, что Юджин был принят в главную семью и даже унаследовал Формулу Белого Пламени, но... даже если бы этого не произошло, он все равно мог бы каким-то образом растоптать главную семью и забрать всю власть главной семьи себе.

— ...Избавься от Церемонии Продолжения Родословной, — пробормотал юноша со вздохом. — В ней больше нет необходимости. Это также привело к нынешней проблеме. Если мы просто избавимся от Церемонии Продолжения Родословной, большинство жалоб от побочных ветвей исчезнет.

Дойнс все еще колеблется: ...Но...

— Ты все еще собираешься быть упрямым, даже если это привело к тому, что ты получил нож в спину? — презрительно спросил Хамел. — Как ты и сказал, мир был настолько спокойным, что даже Лаойнхарты превратились в некомпетентных идиотов. Однако теперь все будет не так спокойно. Никогда не знаешь, когда Хельмут может объявить о начале войны, а побочные потомки, затаившие злобу на главную семью, все исчезли.

Дойнс молча слушал.

— Сейчас самое время для перемен, — настаивал Юджин, глядя на Старейшину. — Если ты собираешься умереть до конца дня, то тебе следует оставить завещание, прежде чем закрыть глаза. В конце концов, ты — Бессмертный Белый Лев. Твоя смерть может быть не самой почетной, но твое имя все еще имеет силу над другими старейшинами. Так что если ты отменишь Церемонию Продолжения Родословной в своем завещании, то даже старейшины не смогут выдвинуть против этого серьезных возражений. Никто не хочет быть первым, кто это скажет, но все они знают, что эта ситуация возникла из-за этой поганой традиции, разлагающей клан изнутри.

Дойнс не ответил сразу.

Пока мужчина закрыл глаза и несколько мгновений размышлял над этим вопросом, Юджин усмехнулся и продолжил говорить: Вообще-то, кто я такой, чтобы пытаться давить на тебя? Тебе не нужно оставлять завещание, если ты этого не хочешь. Потому что после твоей смерти я разберу этот бардак и попытаюсь исправить его сам. Конечно, это будет грубое исправление, которое не сравнится с завещанием, оставленным Бессмертным Белым Львом, но что поделаешь.

— Хахаха... — Дойнс разразился смехом над этой неприкрытой угрозой. — Получить совет не просто от кого-то, а от героя, жившего триста лет назад... Хорошо, я понял. Я обязательно... оставлю это в своем завещании.

Церемония Продолжения Родословной была традиционной на протяжении трехсот лет. Старейшина, проживший сто двадцать лет, был живым свидетелем истории клана Лайонхарт. Как бывший член главной семьи, он был одним из бенефициаров Церемонии Продолжения Родословной. Поэтому отказ от Церемонии был для него равносителен отказу от основания клана Лайонхарт, которым он гордился всю свою жизнь.

Однако это необходимо было сделать. Дойнс признал, насколько позорным был этот инцидент, а также понял, что внук, проткнувший ему грудь, не испытывал того чувства гордости, которое испытывал он.

— Мой внук... Доминик, он умер с сожалением? — спросил Старейшина.

— Там не должно было быть места для сожалений, — задумчиво ответил Юджин.

— Это разочаровывает, — усмехнулся Дойнс, прежде чем продолжить. — Я хотел, чтобы он умер, сожалея о своем выборе и поступках. Но если он умер, даже не имея возможности почувствовать сожаление, не означает ли это, что его смерть была настолько болезненной, что он не смог оставить ни одной мысли для сожаления?

— Это была довольно ужасная смерть, — согласился Юджин. — ...Но смерть тех, кто жаждет

того, чего не заслуживает, и падок на зло, всегда ужасна.

— Я в большом долгу перед вами, сэр Хамел, — сказал Дойнс, снова вставая и глубоко склоняя голову перед Юджином. — ...В то же время я совершил множество грехов. Если бы сэр Хамел не остановил их там, все дети главной семьи были бы принесены в жертву... а Эвард был бы полностью одержим останками Королей Демонов. Чтобы потомка Великого Лайонхарта, уничтожившего Королей Демонов... использовали как инструмент для возрождения тех самых Королей Демонов... такого никогда нельзя было допустить.

Юджин кашлянул: Хм, теперь, когда я думаю об этом... не похоже, чтобы они действительно переродились... поскольку это были просто останки. Другими словами, все было не так уж и серьезно. Они были просто парой отморозков.

Юноша пытался сказать все это с достойным выражением лица, но он слишком высоко поднял подбородок, и теперь его шея пульсировала от боли.

Странно, но плащ, который он оставил на диване, казалось, извивался. Юджин представил, как Мер закрывает рот руками, пытаясь сдержать смех внутри плаща.

— ...Кхм... Кстати, как ты понял, что я — Хамел? — Юджин спросил Дойнса, пытаясь сменить тему.

— Я видел это во сне, — признался мужчина.

— Во сне? — удивленно повторил юноша.

Это был довольно неожиданный ответ.

— После того, как Доминик попал в засаду и упал в обморок... кажется, что мое сознание все еще имело небольшую связь с Копьем Демона. Должно быть, потому что оно было в моей руке десятки лет, и это довольно зловещее и таинственное оружие. В этом сне я видел, как вы довели Доминика до смерти, сэр Хамел, — Дойнс сделал небольшую паузу, закончив говорить, и уставился на свою руку.

Его оставшаяся рука дрожала от страха, когда он представлял себе сцену, которую видел во сне.

— Такая сила и такая техника никогда не могли принадлежать двадцатилетнему юноше. Кроме того... ярость, которую вы проявили на могиле нашего великого предка, была ближе к предательству, которое человек испытывает по отношению к своему другу, а не к почитаемому предку, — объяснил Старейшина.

— ...Действительно, — пробормотал Юджин, кивнув в знак понимания.

Когда он обнаружил, что гроб Вермута пуст, юноша не смог полностью сдержать свои эмоции. Чувство предательства по отношению к Вермуту овладело им и потрясло его до глубины души.

Дойнс колебался, прежде чем продолжить: ...Копье Демона и Молот Уничтожения...

— Мер, — позвал Юджин, не дав Старейшине закончить свои слова.

По его зову голова девочки высунулась из складок его плаща.

— Да, звал ли меня сэр Юджин, который был ранен до такой степени, что не мог двигаться после драки с парой отморозков? — дразняще спросила Мер.

— ...Следи за своими словами, — предупредил ее юноша. — Я не ранен. Это просто растяжение мышц.

Мер кивнула: Понятно. Ты страдаешь от такого растяжения мышц, что не в состоянии двигаться после драки с парой отморозков, верно?

— Ты действительно получишь нагоняй, когда мое тело поправится, — пригрозил юноша девочке.

Не обращая внимания на угрозу, Мер спросила: Так зачем ты позвал меня, сэр Юджин, который способен только шевелить губами?

— ...Достань Копье Демона и Молот Уничтожения... из моего плаща, — выдавил юноша, сдерживая гнев, кипевший внутри него.

Мер только высунула язык, прежде чем снова скрыться в плаще.

Повернувшись к Дойнсу, Юджин грозно спросил: Ты только что смеялся?

— Вовсе нет, — отрицал Старейшина.

— Мне кажется, что ты все же смеялся? — обвинил его юноша.

— Вовсе нет, — повторил Дойнс.

— Ты смеялся внутри, не так ли?

— Вовсе нет.



К концу этого короткого допроса старика, который должен был умереть сегодня, Мер вышла из плаща, волоча за собой огромное Копье Демона и Молот Уничтожения с напряженным хныканьем. Оба эти оружия были явно больше ее собственного тела.

— Я взял их. У тебя ведь нет никаких претензий, верно? — заявил Юджин, показывая подбородком на Копье Демона и Молот Уничтожения.

Это уже не было прежним оружием Королей Демонов. Хотя их форма не изменилась, демоническая сила, которая лежала в основе этого оружия, была начисто стерта.

Вместо этого часть Молниеносного Пламени, проходящая через тело Юджина, вливалась в Копье Демона и Молот Уничтожения. Из-за этого юноша почувствовал, что существует большая вероятность того, что с этим оружием связана какая-то особая вещь. Он не мог сразу проверить это подозрение, так как его тело не было достаточно сильным. Но учитывая тот факт, что Молниеносное Пламя теперь находилось на месте духа тьмы, который исчез вместе с демонической силой. Возможно, он не сможет воспроизвести их особые атаки, но все же возможно использовать Копье Демона и Молот Уничтожения как мощное оружие.

— ...Кто еще может быть мастером этого оружия, если не сэр Хамел? — сказал Дойнс, уже решив не оказывать дальнейшего сопротивления словам Юджина.

Хотя они общались всего лишь некоторое время, этот великий герой трехсотлетней давности все еще обладал тем же взрывным характером, который был описан в сказке, передаваемой из поколения в поколение.

— Уверен, у тебя много дел, — сказал Юджин Дойнсу.

Аура смерти, которую он ощущал от старика, продолжала усиливаться в течение всего их разговора.

— ...Доминик мог быть твоим единственным потомком, но... даже если так, не стоит ли тебе хотя бы попрощаться со старейшинами, которых ты так долго знал, — предложил юноша.

— Мне также необходимо подготовить завещание, — с усмешкой согласился Дойнс, вставая. — ...Большое спасибо за ваше внимание, сэр Хамел. ...Как рыцарь, я считаю большой честью встретиться с вами таким образом. Если бы у меня было достаточно времени, я бы хотел попросить вас рассказать мне некоторые из ваших прошлых историй, сэр Хамел.

— Ни за что, это было бы слишком неловко, — Юджин выразил свой отказ с отвращением, покачивая головой. Затем, сменив тему, юноша спросил: ...Итак, кто будет следующим Главой Совета?

— Я думаю о Кармен, но она, вероятно, не согласится занять эту должность, — признался

Старейшина.

— Если это так, то главой Совета, скорее всего, станет ее младший брат, — размышлял Юджин.

— Да, — согласился Дойнс.

Юноша вдруг спросил: Ничего, если я обращусь с одной просьбой?

— Пожалуйста, говорите свободно.

— Не вмешивайте в это главную семью.

Дойнс, который почтительно отстранился, поднял голову и посмотрел на Юджина.

— Я имею в виду, что не стоит бессмысленно изводить Патриарха по этому поводу, — уточнил юноша. — Потому что, если никто не добавляет ему проблем, он должен быть тем, чье сердце сейчас страдает больше всего.

— ...Хохо, — при этих словах Дойнс хихикнул со слабой улыбкой. — Это благословение для главной семьи, что вы так их лелеете, сэр Хамел.

— При этом у меня нет намерения стать Патриархом, — осторожно настаивал юноша.

— Однако, поскольку сэр Хамел дорожит и близнецами, и главной семьей, даже если вы сами не станете Патриархом, я уверен, что вы приведете главную семью к небывалой славе, — уверенно заявил Дойнс.

Единственное сожаление, которое осталось в сердце старика, — это желание лично увидеть такое зрелище. Однако поддерживать его жизнь было невозможно, и кто-то должен был взять на себя ответственность за эту ситуацию. Так что своей смертью он зажжет искры реформ для клана.

«...Моя смерть может быть омрачена позором, но...» — На лице Дойнса появилась горькая улыбка, когда он повернулся, чтобы уйти, а про себя подумал: «Похоже, что с моей смертью я все еще могу быть полезен семье.»

Называясь Бессмертным Белым Львом, он прожил сто двадцать лет. Но он никогда не предполагал, что умрет вот так.

Однако Дойнс не возмущался тем, что его обрекли на такую смерть. В конце концов, все это было несущественно. Слепо доверяя внуку и высокомерно считая, что все, что он делает,

делается ради клана, старик сам вырыл себе эту могилу.

Конечно, это была уродливая и бесчестная смерть, но перед смертью он узнал, что легенда трехсотлетней давности теперь живет в клане Лайонхарт.

Дойнс тихо закрыл за собой дверь. За дверью терпеливо ждал Генос.

Мужчина подошел, чтобы предложить свою поддержку, но Старейшина покачал головой в знак отказа.

— Пошли, — сказал старик.

Затем они отправились к Круглому столу, где проходили все заседания Совета Старейшин.

Дойнс настоял на том, чтобы идти к Башне Круглого Стола на своих ногах, чтобы оставить после себя последнее завещание.

\*\*\*

Спасибо за прочтение!

<http://tl.rulate.ru/book/51117/2653453>